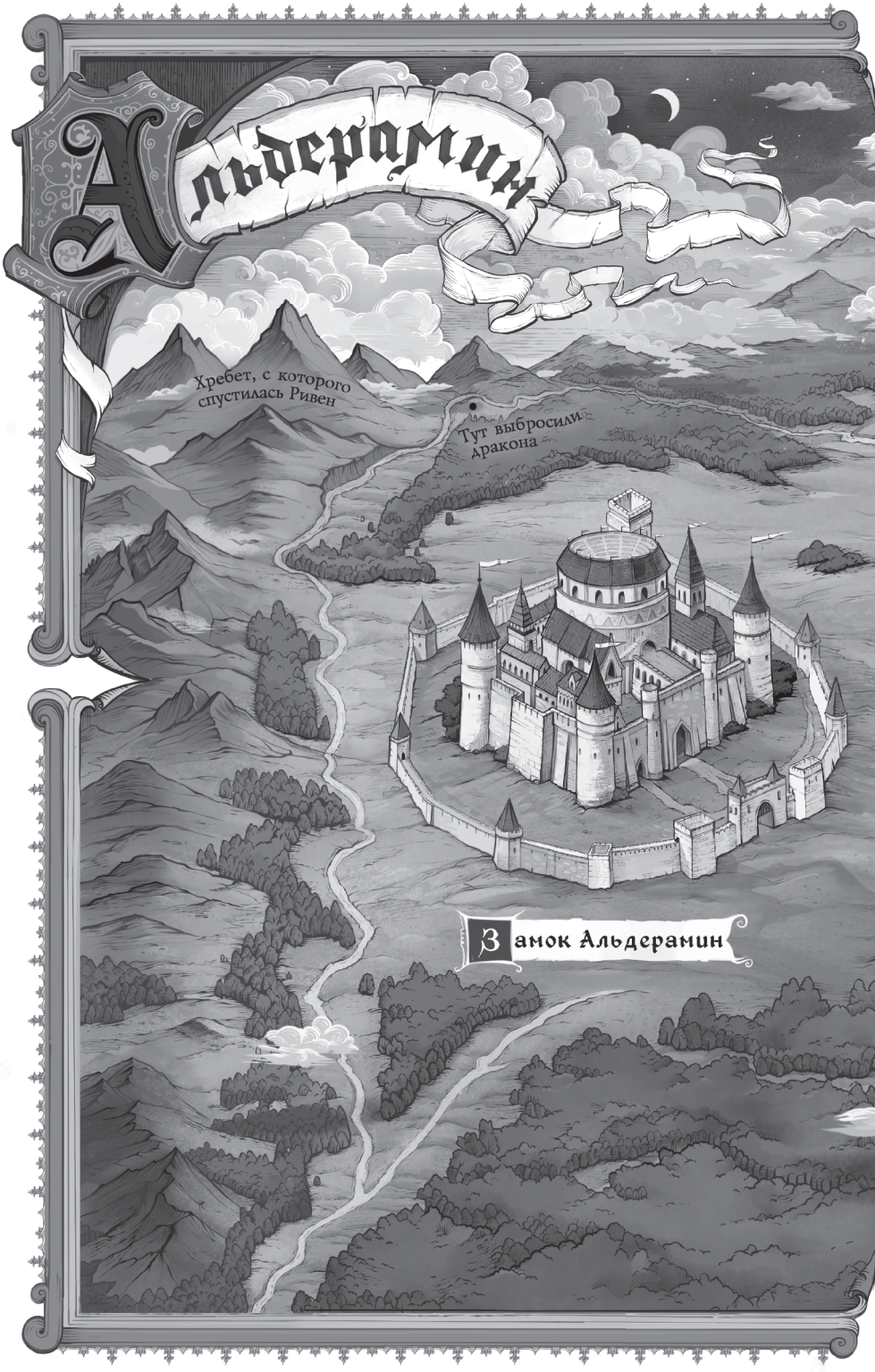
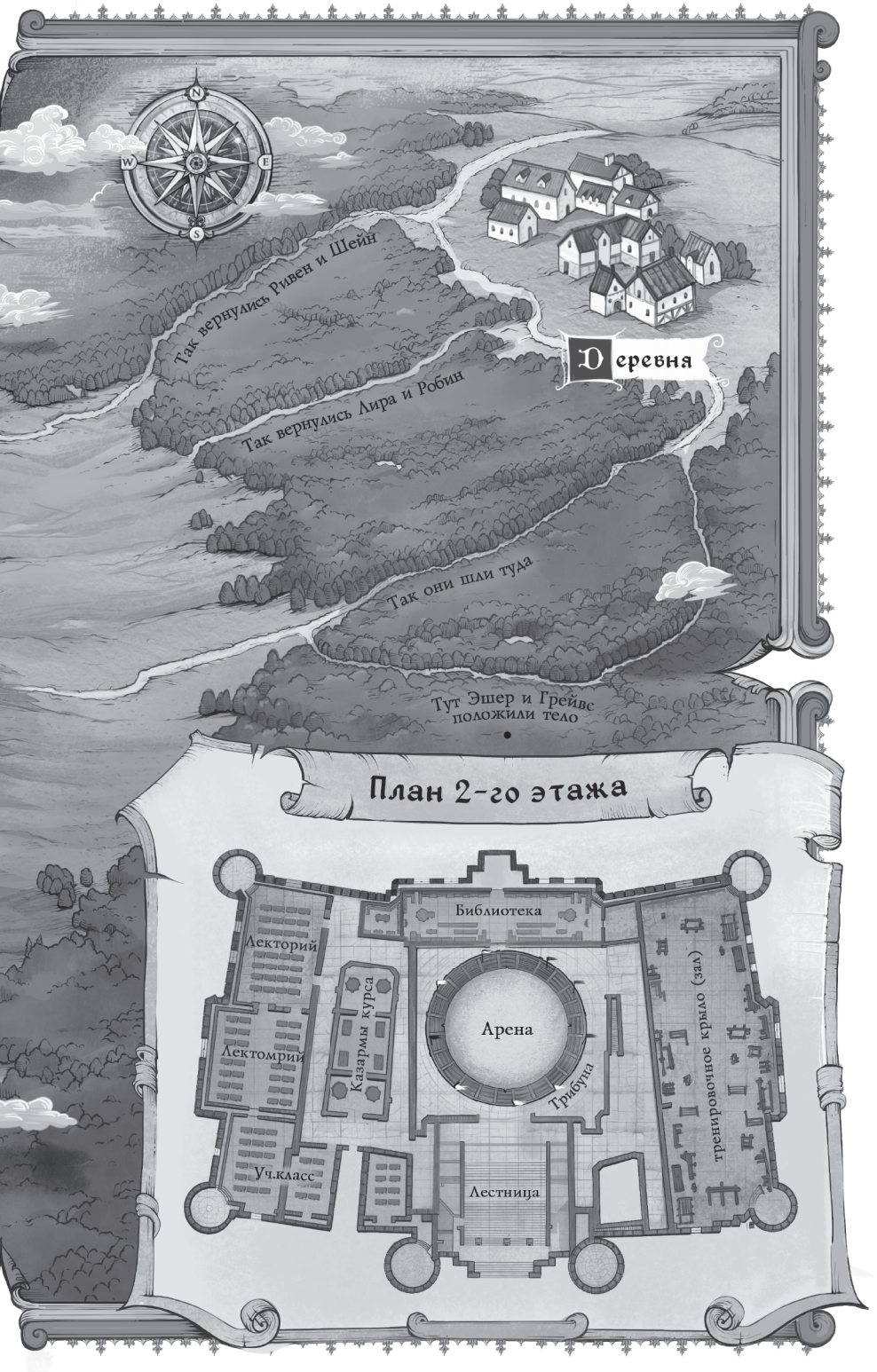

Альдерамин
Хребет, с которого спустилась Ривен
Тут выбросили аракона
Замок Альдерамин

N
W
E
S
Так вернулись Ривен и Шейн
Так вернулись Лира и Робин
Деревня
Так они шли туда
Тут Эшер и Грейвс положили тело
План 2-го этажа
Библиотека
Лекторий
Лектомрий
Казармы курса
Арена
Трибуна
тренировочное крыло (зал)
Уч.класс
Лестница

ПРОЛОГ

Дракон не ожидал, что я в него выстрелю.

Он рассмеялся, когда я вжалась в ледяную стену амбара. Хотя я никогда не слышала, как смеются драконы, и не была уверена, был ли это смех. Но что еще он мог делать, загнав беспомощную девчонку в угол? Звук был похож на раскаты грома, от которых тряслись стены.

Монстра пьянил мой страх, он смаковал каждую секунду, играя со мной, как кошка с мышкой.

Дрожащей рукой я сильнее сжала рукоять арбалета. Ладонь пронзила боль. Кажется, я рассекла ее, пока выбиралась из-под обломков навеса, рухнувшего от небрежного взмаха драконьего крыла. Но обжигающая боль от содранной кожи была ничтожна по сравнению с той, что разрывала изнутри.

Всего несколько минут назад арбалет держал отец. Он прикрывал наш отход, а теперь лежал, раскинув руки, у амбара, а под его головой темнело пятно крови, которая уже почти впиталась в землю.

Отец был мертв.

Он знал, что умрет, встав на пути у дракона. Понял еще до того, как одним движением мощной когтистой лапы чудовище отшвырнуло его в сторону.

Но надеялся, что спастись удастся мне.

Отец, конечно, учил меня управляться с оружием, но я никогда не стреляла в дракона. «Это не сложнее, чем выстрелить в волка, — говорил он, — даже легче, ведь волк убивает для пропитания или защиты, а драконы расправляются с нами ради забавы».

Не легче.

Выстрелить в дракона оказалось сложнее, чем в волка.

Я никогда не видела этих чудовищ так близко. Говорили, что в их глазах полыхает настоящее колдовское пламя. Я же видела лишь свое отражение. И смерть. Но она почему-то не спешила наступать.

Дракон был огромным. Оказавшись прямо перед пастью, я отчетливо ощутила исходящий от него жар и запах — дымный, терпкий, проникающий под кожу. Обсидиановая чешуя отливала жидким металлом и огнем. Пластинки, каждая размером с ладонь, вместе создавали непробиваемую броню. Каждый мускул под ней был напряжен. Хищный оскал обнажал острые клыки — жуткое дополнение к пламени и тяжелому хвосту с шипами. Кожистые крылья трепетали от напряжения.

Смертельно красивый хищник.

Отец рассказывал, что средний молодой дракон размером где-то с амбар, но тот, что стоял передо мной, был намного больше. Играючи он снес хлипкое строение, оставив лишь часть, в которой я и надеялась укрыться.

«Нужно было бежать с рассветом», — мелькнула в голове горькая мысль.

Может, тогда был бы шанс. Теперь оставалось только погибнуть так, как учили.

«Охотник на драконов всегда гибнет в схватке с драконом, он не имеет права распорядиться жизнью иначе», — так говорили все, кого с юности учили защищать империю. Слыша эти слова, я часто думала, что предпочла бы скорее

клятву убивать драконов, нежели обещание «правильно» умереть.

Но я не была охотником. И не была уверена, что хочу им стать. Еще утром я собиралась бежать от отца и опостылевшей жизни в форте. Бежать как можно дальше от тягот военной жизни, от постоянных переездов, от бесконечных правил и ограничений. От опасности, сопровождающей нас на каждом шагу. Бежать, чтобы быть свободной.

Дракон не ожидал, что я в него выстрелю, — и я не выстрелила. Но очередной удар снаружи сотряс стену амбара, а затем где-то рядом раздался яростный истошный крик, полный ужаса и боли. Крик, не имеющий ничего общего с той храброй смертью, которую охотники воспевали в легендах.

И тело приняло решение быстрее, чем разум.

Я спустила курок.

Стрела попала дракону прямо в грудину, пробила шкуру и вошла в плоть. Монстр взвыл, отшатнувшись, а затем повалился на землю и замер, будто пытался хоть немного уменьшить боль, от которой содрогалось покрытое чешуей тело.

Я смотрела в его мутнеющие глаза, пока они не закрылись. Не так-то просто отнять жизнь. Даже у кровожадного монстра.

Двадцать третий год правления императора Калрена. На границе между империей Феркад и Отвергнутыми землями

Впереди простиралась безжизненная скалистая долина. Уродливые стволы сгоревших деревьев, прежде составлявших густой роскошный лес, напоминали огарки свечей.

В детстве, если Сильвана задерживалась в библиотеке допоздна и понимала, что ей крепко влетит от отца, она ждала именно этого момента: когда свечи отгорят и погаснут, оставив в воздухе запах тлеющих фитилей. Те минуты прочно въелись в память, стали частью воспоминаний, которые ей хотелось навсегда похоронить.

Брат пребывал в мрачном настроении.

Он стоял у самого обрыва, взирая на долгожданный трофей, и на его лице не было радости победы.

— Посмотри, Сильвана, — сказал он, простирая руки к затянутой дымом пожаров низине, — война изуродовала эти земли. Зеленые леса превратились в пепелище. Точно так же война уродует наши души.

— Слышали бы тебя твои генералы, — криво усмехнулась она. — Многие из них гниют на поле боя, их кровью написана наша победа, их жизни оплатили наш трофей. Мы бились за эти земли десятки лет, Калрен! И наконец победили. А ты горюешь о лесах?

— Победили... — эхом откликнулся брат. — Как ты думаешь, обернется ли добром эта победа? Мы сражались за долину, в которой сможем строить города, воспитывать детей, жить и становиться счастливыми. А получили безжизненный кусок суши, населенный темными тварями — единственными, кому не нужны ни солнце, ни вода, ни лес. Ты никогда не задумывалась, какой вообще смысл в войне, если в награду обретаешь только пепел?

— Смысл? — Она почувствовала, как внутри все пылает от ярости. — Смысл в мести, Калрен. В возмездии за наши дома и наших людей, наших детей и наши земли. В восстановлении нашей свободы и права жить без страха. Драконы — монстры, которых не должно существовать...

Брат жестом заставил ее замолчать.

— Ты не хуже меня знаешь, зачем нам война, Сильвана. Но всему есть предел. Пока мы не уничтожили мир, в котором живем, я намерен прекратить безумие.

Она отшатнулась, не веря собственным ушам.

— Ты хочешь договориться с драконами...

— Это единственный путь к миру.

— Ты не можешь, ты не посмеешь так поступить со мной! Ты знаешь, что они отняли! — Она сорвалась на крик.

В глазах брата сверкнула сталь.

— Ты сама виновна в его гибели, Сильвана, не перекладывай на драконов вину за свое предательство. Я не нуждаюсь в твоих советах. Благодари богов, что осталась жива. Лишь потому, что ты моя сестра, я простил тебя. Решение принято. Феркад и Драконьи земли заключат мир.

— Ты не посмеешь.

— И кто же рискнет мне помешать?

Он до последнего не верил, что эта хрупкая девочка с разбитым сердцем, его родная сестра, осмелится поднять руку на своего повелителя, единокровного брата.

Когда серебряный кинжал вошел ему в шею, в глазах Калрена отразилось лишь удивление.

Он и не заметил, как хрупкая девочка превратилась в чудовище. Хотя сам стал тому виной.

Вложив в движение все силы, она толкнула брата в грудь, навстречу пропасти, окутанной пеплом.

Она никогда не позволит заключить сделку с драконами.

Она сделает все, чтобы их уничтожить.

I

СПУСТЯ ЧЕТЫРЕ ГОДА ПОСЛЕ НАПАДЕНИЯ ДРАКОНА

Отвергнутые земли недаром назывались именно так: туда старались не забредать даже самые отчаянные охотники. Близость к границе, непроходимая чаща и дикие звери были не единственными проблемами бедолаг, очутившихся в этих краях.

Драконы.

Драконы охотились в Отвергнутых землях задолго до того, как разразилась война. Люди кровью отвоевали этот клочок земли, но он так и не стал по-настоящему им принадлежать.

Неудивительно, что путь каждого охотника начинался в них.

Ривен Стормвей!

Военная академия Альдерамин приветствует вас. По решению Совета генералов вы признаны кандидатом, достойным зачисления. Ваши качества соответствуют высоким требованиям, предъявляемым к охотникам на драконов.

Вам надлежит явиться для прохождения вступительных испытаний в академию в ближайший Темный Час.

При себе иметь данное предписание.

Начальник академии,
Генерал Аластер Рокмонд.

Я еще раз перечитала приглашение, хотя в этом не было нужды: я уже выучила его назубок. Академия начинает испытывать тебя задолго до того, как приходит приглашение, от которого нельзя отказаться. За тобой наблюдают с малых лет, а охотников натаскивают с детства. Тренируют под предлогом выживания в охваченной войной империи, но на самом деле — ищут достойных. Поступить в Альдерамин не то же самое, что отправиться изучать искусство или политику. Там ты или охотник, или жертва.

Каждый год во время призыва десятки тысяч подданных Империи Феркад с замиранием сердца ждут приговор.

Если ты подходишь, то отправляешься на вступительные испытания. Отказ немыслим. Сейчас, когда мы так уязвимы перед драконами, каждый должен быть готов защищать свои земли.

Но и недостатка в мечтающих стать охотниками нет. Они — элита. Герои. Кроме того, честь принадлежать к избранным дополняла перспектива безбедной жизни: охотники и их семьи, если они решались их заводить, никогда и ни в чем не нуждались.

— Ты вообще знаешь, куда нужно ехать? — спросил Наэль, вышедший меня проводить.

Лошадь уже была готова. Вещи собраны. Я старалась ехать налегке: чем тяжелее ноша, тем дольше путь, а значит, больше шансов погибнуть. Но кое-что все же взяла. Неизвестно, будет ли по пути возможность нормально поесть или поспать в безопасном месте. Отвергнутые земли непредсказуемы.

— Никто не знает. — Я пожала плечами. — Если бы драконы выяснили, где находится академия, то давно бы сравняли ее с землей. Дорога к ней — лишь часть испытания. Так говорил отец.

Я хорошо запомнила ориентиры на пути, которые он мне назвал, но не могла поделиться этим знанием с Наэлем.

— Так, может, не поедешь? Ты не обязана становиться охотником только потому, что им был твой отец.

— И стать мишенью для имперских солдат? — хмыкнула я. — Что это будет за жизнь, если за мной будут охотиться, пока не пристрелят?

Отец сказал бы совсем другое. Сколько я себя помню, вопрос, кем я стану, никогда не поднимался. Конечно, охотницей. Другой судьбы мне не было уготовано. Если бы отец узнал, что я собиралась бежать, он бы никогда не простил этого.

А я не прощу, что из-за меня он не сумел защитить крепость.

Я была одной из немногих выживших той ночью. Охотники часами расспрашивали меня, заставляя снова и снова восстанавливать в памяти каждую минуту того кошмара. Но все же было кое-что, в чем я не созналась бы даже под пытками.

Отец мог попытаться спасти форт. Но выбрал защитить меня.

Вслух я ничего такого не сказала, лишь рассмеялась и потрепала друга по волосам.

Мы подружились в приюте, куда меня отправили после нападения на форт. Наэль потерял родителей несколькими годами раньше и взялся меня опекать. Жаль, что в нем совсем не было присущих охотникам талантов и мы не могли отправиться в академию вместе. Мне бы не помешал хоть один друг.

— Я серьезно, Ривен. Ты можешь остаться. И я подыщу тебе местечко у господина Тарвена. Продавать книги не такая романтичная работа, как убивать драконов, зато все, что тебе грозит, — это порезаться бумагой.

— И задохнуться от пыли. — Я вспомнила, какой бардак порой царил в местной книжной лавке, где работал Наэль. — Была бы рада остаться, но нужно ехать.

— Что ж... Сначала Шейн нас бросил, теперь уезжаешь и ты. — Друг заметно погрустнел. — Скажи, что мы еще увидимся, Ривен.

— Конечно.

Наэля было жаль. Шейн, парень, живший по соседству, два года назад отправился в Альдерамин. Ребята дружили задолго до того, как в приюте появилась я. Теперь Наэль оставался один. Он с самого детства знал, что ни за что не получит приглашение в академию. Он не просто не попадал в цель больше раза из десяти выстрелов. Когда ему было три, его сильно избил отец. С тех пор Наэль хромал.

— Если увижу Шейна, передам ему от тебя привет, — улыбнулась я.

— Тогда удачи. Не обожжет тебя драконье пламя, Ривен.

Я улыбнулась. Охотники ненавидели это напутствие: далеко не все драконы умели дышать огнем, и встреча с таким означала гарантированную смерть.

Тянуть дольше не было смысла. Следовало выехать как можно быстрее, чтобы пересечь земли до наступления темноты. Драконы редко охотились днем: слишком велика была опасность наткнуться на рейд. Может, мне повезет, и я ни одного не встречу.

В памяти снова всплыл взгляд, преследовавший меня по ночам.

Охотников с юности учат премудрости убийства драконов, но совсем не учат, как с этим жить.

Городские ворота закрылись за мной с громким лязгом, а затем воцарилась тишина. Высокая каменная стена заглушила звуки просыпающихся улиц, надежно спрятала мою прежнюю жизнь, оставив лишь вымощенную камнем дорогу, ведущую в неизвестность. Впрочем, вскоре и она исчезла. Лишь столбики, соединенные старыми канатами, давали понять, что я еще не сбилась с пути, когда-то указанного отцом.

Пейзаж постепенно менялся. Обжитой лес, через который петляла дорога, усыпанная указателями, сменился темной чащей. Высокие деревья-исполины уступили место низкорослым уродливым карликам, чьи ветки словно тянулись ко мне из темных недр леса. Я никогда не заезжала так далеко в одиночку. Напряжение сменялось скукой, а она — очередным всплеском бдительности.

Дорога в академию была испытанием, и прежде всего она учила терпению.

Стук копыт лошади стал громче: земля сменилась камнями. Небо потемнело, его затянули низкие грозовые тучи. А вскоре вдали появились очертания острых пиков гор — гряды, отделяющей драконьи земли от владений империи.

Сердце застучало быстрее. Я крепче сжала поводья, но прежде убедилась, что арбалет надежно закреплен и, в случае чего, получится быстро его достать. С ним было чуть спокойнее, хотя я не была уверена, что мне снова повезет и дракон приблизится на достаточное для хорошего выстрела расстояние.

Изменились и звуки. Вместо приятного шелеста листвы и стрекотания насекомых в траве я различила далекие раскаты грома. А через несколько часов пути услышала шум воды и поняла, что рядом река. Это был первый ориентир, обозначенный отцом. И удачно, ведь не помешало бы наполнить флягу и напоить лошадь. Я повернула и быстро оказалась возле источника рокота.

Речка была бурной и наверняка холодной — ведь это горная река.

Перейти ее будет сложно. Вода пенилась, разбиваясь о валуны и унося свирепым потоком мелкие камни. Но, может, я смогу перебраться? В любом случае хотелось немного отдохнуть, перекусить и свериться с картами. Я собиралась

было спешиться, как вдруг тишина взорвалась громом — так мне поначалу показалось. Но это была не гроза.

Сперва меня накрыла огромная тень. Я инстинктивно вжалась в гриву лошади, пряча голову. Из-за острых пиков, будто сама тьма обрела плоть и крылья, показался дракон.

Черный. Не просто большой, а исполинский. Даже прожив большую часть жизни у границы, я никогда таких не видела. Его чешуя как будто поглощала свет. На перепончатых крыльях виднелись шрамы, зияли прорехи. Этот дракон наверняка убил не одного охотника. И сейчас он надвигался прямо на меня, летя достаточно низко, чтобы заметить... и уничтожить.

От неожиданности я замерла, противный липкий страх сковал тело. Я не видела драконов с того дня, когда погиб папа, и сейчас словно перенеслась в те мгновения. Только больше некому было встать между мной и смертью.

Не знаю, на что я рассчитывала, когда четыре года назад пыталась сбежать. Что империя не дотянет до меня свои длинные руки? Или что просто оставит в покое, позволив доживать свою мирную жизнь?

Но правда была в том, что внутри меня полыхал огонь, который требовал битвы. Я могла сколько угодно отрицать это, но я была дочерью своего отца, и поля сражений манили меня так же, как и его.

Дракон пролетел над ущельем. Он не удостоил меня вниманием, для него я была не больше, чем букашка на камне. Но облегчение, острое и пьянящее, длилось всего мгновение. Дракон замер в воздухе, его могучая шея изогнулась. И он издал крик.

Это был не рев, не рык. Это был звук, разрывающий душу, — скрежет металла по стеклу, помноженный на тысячу. От него заложило уши, а по коже побежали мурашки. Но если я лишь содрогнулась, то лошадь оказалась бессильна

перед нечеловеческой яростью и мощью. Она вздыбилась с диким ржанием. Как ни старалась я удержать поводья, ничего не вышло. Испуганное животное сорвалось с места, повинуясь единственному инстинкту: бежать! Бежать, спасаясь от дракона.

Мне едва удавалось удержаться в седле: лошадь словно обезумела.

Отчаянный рывок, полет, удар о камни — и леденящий ужас объятий бешеной реки. Ногу пронзила резкая боль. Вода сомкнулась над головой, унося в грохот и пену, а в ушах вновь зазвучал драконий крик.

Вот только совсем другой.

Холодная вода обожгла легкие. Я пыталась плыть, но в одежде, с арбалетом за спиной, который стал во много раз тяжелее, я просто шла на дно. Удивительно, но отцовское оружие, право забрать которое я с таким трудом отвоевала четыре года назад у охотников, сейчас стало почти ненавистно: я рисковала погибнуть из-за него, а в бурном течении даже не могла дотянуться и скинуть с плеч.

«Охотник на драконов всегда погибает в схватке с драконом, он не имеет права распорядиться жизнью иначе». А если утонул по пути в академию — то он и не охотник вовсе.

Я почти перестала бороться, позволив течению победить, как вдруг что-то зацепилось за капюшон куртки. Или не зацепилось, а схватило? И дернуло из объятий реки с такой силой, что потемнело в глазах.

Рухнув на острые камни, я закашлялась, выплевывая воду. Несколько долгих секунд я лежала, судорожно хватая ртом воздух и дрожа всем телом.